

Р.Г. Апресян

МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И НЕУПРАВЛЯЕМАЯ ВАГОНЕТКА

Эдмондс, Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Егора Гайдара, 2015. 256 с.

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: apressyan@mail.ru

Рецензируемая книга рассказывает об одном из наиболее популярных направлений в современной экспериментальной философии – так называемой «вагонеткологии», в которой на материале мысленных экспериментов с потерявшей управление вагонеткой анализируются ситуации критического выбора, возможные варианты принятия решений, история их интерпретации, различные теоретические подходы в их изучении. Опыт вагонеткологии заслуживает внимания для прояснения теоретического значения мысленного экспериментирования и, шире, ситуационного анализа для моральной философии. Вагонеткология актуализировала такие теоретические проблемы, как роль намерения, соотношение цели и средств, мотива и результата, заострила внимание на сфере действительности моральных принципов, пределах индивидуальной ответственности. Эти проблемы имеют значение для обсуждения вопросов в нормативной этике и в разных направлениях прикладной этики – биоэтике, этике наказания, теории справедливого применения силы и т. д. Рецензируемая книга не только представляет замечательный образец популярной философской литературы, обеспечивающей на базовом уровне (а местами и более того) репрезентативность современных дискуссий и разработок в данной области, но и показывает полноценные возможности для внедрения этой тематики в философское образование.

Ключевые слова: вагонеткология, мысленные эксперименты, экспериментальная философия, учение о двойном результате, сопутствующие последствия, намерение, Фут, Томсон, нейронауки и мораль

Помогать ближнему, тем более ближнему, оказавшемуся в затруднительном положении, – высшая обязанность человека. Но первейшая моральная обязанность – не причинять другому вреда. «Алгоритм» морального отношения к другому прост: прежде чем помогать, будь уверен, что не причиняешь, пусть даже невольно, вреда. Непричинение вреда – это сильное требование, оно обязательно к исполнению. Помощь и забота – это слабое требование, его исполнение лишь желательно. Большинство случаев причинения вреда входит в компетенцию права; но право безразлично к факту непредоставления помощи, если последнее не стало причиной вреда.

Такое рассуждение однозначно в ситуации простого отношения: агент – реципиент. Но оно недостаточно в ситуации, когда предоставление помощи одним возможно лишь при условии, что в качестве побочного эффекта этого действия оказывается причинение вреда другим. Ясно, что помощь одному ценою вреда другому морально неприемлема. Но как быть при разновеликих числах? Вот, пример: потерявшая управление вагонетка несется по рельсам в направлении пятерых человек, у которых нет возможности отскочить с ее пути. Находящийся рядом с путями человек может спасти пятерых, передвинув стрелку и пустив вагонетку по другому пути. Но тогда вагонетка задавит находящегося там одного человека, у которого нет возможности отскочить с ее пути. Допустимо ли спасение пятерых при неперемennom условии, что в результате действия, совершаемого ради спасения пятерых, погибнет один?

Такой мысленный эксперимент предложила в 1967 г. британский философ Филиппа Фут для анализа принятия решений в ситуациях выбора между действиями, каждое из которых ведет ко злу, большему или меньшему¹. Под влиянием Фут аналогичные мысленные эксперименты стала конструировать американский философ Джудит Томсон². Первый составленный ею кейс представлял ситуацию с несколько измененными параметрами: пятерых несчастных можно спасти, остановив вагонетку, но сделать это можно, лишь столкнув на путь, по которому она мчится, толстяка, тело которого как раз достаточно массивно для этого.

Довольно скоро эксперименты такого рода стали предметом критических разборов, постепенно образовавших отдельное направление исследований, которое с легкой руки Энтони Кваме, получило название «вагонеткология»³.

Анализу мысленных экспериментов с ситуациями критического выбора, истории их интерпретации, различным теоретическим подходам в их изучении посвящена рецензируемая книга, заголовок которой не только напоминает о персонаже одного из кейсов – толстяке, но и озадачивает читателя: на что тот готов ради спасения от смерти нескольких людей при условии, что это будет возможно ценой отнятой (намеренно или ненамеренно) жизни одного? Автор книги – Дэвид Эдмондс, сотрудник Центра практической этики при Оксфордском университете⁴. Новая книга, к слову сказать, изданная на языке оригинала всего пару лет назад, написана живо и читается легко. В русском издании этому, несомненно, способствует перевод Д. Кралечкина, в целом выполненный на высоком профессиональном уровне.

В современной вагонеткологии обсуждаются десятки ситуаций. Они все искусственны, некоторые кажутся надуманными, даже невероятными. Но эти экспериментальные нарративы представляют в схематичном виде разные варианты выбора между меньшим и большим злом, в условиях конфликта обязанностей. Эдмондс приводит несколько примеров реальных историй, схематически соответствующих ситуациям вагонеткологии. Экспериментальные ситуации конструируются по аналогии с реальными, благодаря этому можно

¹ Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Oxford Review. 1967. No. 5. P. 1–7.

² Thomson J.J. Killing, Letting Die, and The Trolley Problem // The Monist. 1976. Vol. 59. No. 2. P. 204–217.

³ Kwame A.A. Experiments in Ethics. Camb. (Mass.), 2008. P. 89. Одна из последних книг, затрагивающих проблемы «вагонеткологии»: Tännsjö T. Taking Life: Three Theories on the Ethics of Killing. Oxf., 2015.

⁴ Эдмондс уже известен русскому читателю. См.: Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М., 2004; Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Бобби Фишер идет на войну. М., 2008.

с их помощью выявить возможные интуиции, определяющие действительные моральные решения, и эксплицировать не всегда просматриваемые в живой практике поведенческие установки. Как показывают данные экспертных и массовых опросов, определяющая тенденция в решениях заключается в том, что спасение нескольких людей посредством действия, которое ведет к гибели одного в качестве так называемого «двойного результата» (*double effect*), – а точнее было бы говорить о *сопутствующем последствии* – признается более допустимым, чем спасение нескольких посредством действия, *намеренно* направленного на причинение смерти одному.

Надо отметить, что Эдмондс не принимает во внимание неоднородность того феномена, который он называет «интуиция». В непосредственном, т. е. не опосредованном рефлексией, понимании обнаруживают себя не только *когнитивные откровения*, но и *когнитивные инерции*. Стало быть, сам факт интуитивной ясности или интуитивного понимания не следует рассматривать в качестве оправдания принятого неререфлексивно решения. Сами интуиции достойны стать предметом критического анализа. Предметная, соотнесенная с экспериментальными ситуациями, экспликация интуиций позволяет не только развернуть их содержание, но и проследить их психологические, поведенческие, культурные корни.

Опыт вагонеткологии заслуживает особого внимания для прояснения теоретического значения мысленного экспериментирования и, шире, ситуационного анализа для моральной философии. Эдмондс замечает в книге, что ситуации с потерявшими управление вагонетками «указывают на то, что правильно, а что – нет, и говорят о том, как мы должны себя вести» (С. 28). Это мнение не получает развития, но, даже высказанное между делом, оно симптоматично. В нем можно проследить переключки с встречающимися негативными установками в отношении ситуационного анализа. Значение последнего для моральной философии отрицается по той причине, что им, якобы, подменяется философский и нормативно-этический анализ морали, а выводы из ситуационного анализа используются для решения нормативно-этических задач и подготовки моральных решений. Как хорошо видно из книги Эдмондса, ситуационный анализ менее всего прескриптивен; наоборот, он однозначно дескриптивен. Мысленные эксперименты не направлены на определение нормативного содержания морали, они помогают разобраться в том, как определенное нормативное содержание срабатывает на практике, в условиях драматического столкновения обязанностей. Понимание этого важно как для специалистов по философской и прикладной этике, так и для профессионалов, сталкивающихся с необходимостью принятия решений в условиях противоречивых альтернатив. Оно важно и для обычных людей, никто из которых не застрахован от возможности оказаться в ситуации, когда требуются личные трудные моральные решения с возможными, а то и неминуемыми радикальными последствиями.

Есть интересные социологические данные о том, как реагируют на ситуации «с вагонеткой» люди разного пола, образования, политических взглядов и т. д., и Эдмондс приводит некоторые данные такого рода. Замечено, что описание таких ситуаций и тем более предложение сформулировать решение нередко вызывает у людей раздражение. От этого отмахиваются даже записные специалисты по этике: мол, это не моральные ситуации (как будто ситуации, затрагивающие чьи-то интересы, могут быть неморальными). Психологически это понятная человеческая реакция: *нет мочи* обсуждать ситуации, в которых для того, чтобы кого-то спасти (пусть многих), надо кем-то

пожертвовать (пусть одним). Здесь возникает не только эмоциональное, но и нравственное напряжение: как это обсуждать, если основополагающий (возможно, единственно абсолютный) моральный принцип гласит: «Не причиняй вреда невинному»?

Как убедительно показывает Эдмондс, вагонеткология актуализировала сугубо теоретические темы, такие как намерение, соотношение цели и средств, мотива и результата, сфера действительности моральных принципов, пределы индивидуальной ответственности. Они имеют значение для обсуждения вопросов как в нормативной этике, так и в разных направлениях прикладной этики – биоэтике, этике наказания, теории справедливого применения силы и т. д. Мысленные эксперименты из коллекции вагонеткологии важны и в познавательном плане, и в испытательном, в том числе само-испытательном. Моральным философам, особенно склонным к отвлеченному и благодушному рассуждению о морали, они важны для понимания живого (реального, обыденного) морального мышления.

Опыт исследований в области вагонеткологии, как она предстает в книге Эдмондса, может стать эвристической предпосылкой для ряда обобщений, нормативно-этически и философски значимых.

Во-первых, он дает основания для заслуживающих внимания сомнений относительно однозначности оппозиций *правильное – неправильное, обязательное – запрещенное, доброе – злое* и указывает на насущность переосмысления сложившихся схем нормативно-этической рефлексии. Речь в данном случае отнюдь не об относительности этих понятий, их логической и смысловой диалектике, а о том, что эти оппозиции, адекватные для репрезентации морали на абстрактном понятийном уровне, оказываются недостаточными для морального размышления в ситуациях выбора. Они нуждаются в смысловых и понятийных опосредствованиях. Основным здесь оказывается понятие *допустимого*. Его содержание может тяготеть как в сторону одного, так и в сторону другого экстремума названных оппозиций. Без этих опосредствованиях, причем, как видим, градуированных, моральное и нормативно-этическое рассуждение будет скованным.

Во-вторых, мыслительные эксперименты в рамках вагонеткологии актуализируют значимость таких установок в моральном и нормативно-этическом мышлении, которые выходят за рамки индивидуалистической схемы, исчерпывающейся рефлексией деятеля относительно самого себя. Здесь уже недостаточно и диалогической схемы, конституирующей дискурсивное внимание и деятельную активность Я в отношении Другого. Экспериментальные ситуации из вагонеткологии указывают на насущность иной схемы – учитывающей активность Я по отношению к Другому и Третьему, или, другими словами, по отношению к разным, конкурирующим Другим, а в случае отсутствия коммуникации с ними – учета их интересов. Такая ситуация моральной активности личности нуждается в разностороннем философском осмыслении.

В-третьих, интеллектуальный опыт вагонеткологии дает повод задуматься о том, как строится и как «работает» моральная философия. В самом общем виде, из истории мысли вычитываются разные модели: а) *аристотелевская* (в которой этические выводы формулируются на основе разбора различных мнений о морали), б) *августиновская* (в которой одним из существенных факторов морального рассуждения является Священное Писание, нормативно насыщенное), в) *гроциевская* (преимущественно ориентированная на практику человеческих отношений, под которую на основе множе-

ства подобранных нормативных суждений, разной степени обобщения, формулируются нормативные выводы), г) *кантовская* (в которой нормативные положения выводятся в результате осмысления «чистых» возможностей действий человека как разумного существа). В той мере, в какой вагонеткология стремится к прояснению скрытых установок принятия решений, она ближе всего гроциевской модели. Однако, видимо, любое этическое построение (независимо от его предметности, будь то философская, нормативная или прикладная этика) должно строиться с учетом экспериментальных проверок нормативных положений. Собственно говоря, вагонеткология демонстрирует перевод в исследовательский план фундаментального принципа морального мышления: ««должен» предполагает «может»». С превратной ссылкой на Канта этот принцип нередко предстает на русском языке в виде императива: «Должен – значит, можешь», – что антропологически совершенно неприемлемо. Вагонеткология предоставляет площадку для прояснения психологически-поведенческих пределов и условий «можешь», без чего содержание «должен» обречено на отрыв от живого морального опыта.

Вагонеткология – центральная, но далеко не единственная тема книги Эдмондса. Для автора она оказывается поводом, чтобы обсудить и некоторые смежные проблемы, и рассказать что-то интересное. В связи с вагонеткологией затрагивается ряд эпизодов истории философской мысли, как и новейшие тенденции, характеризующие современную философию. Одна из этих тенденций – становление и рост популярности *экспериментальной философии*, или, как говорит автор, «философии с эмпирическим прицелом» (С. 119). Как следует из контурного описания, экспериментальная философия направлена на изучение интуиций обычных людей посредством разного рода опросов. Выявление и прояснение интуиций позволяет установить, насколько идеи и концепции философов релевантны обыденным представлениям простых людей. Правда, какое это имеет философское значение, не очень ясно из обзора Эдмондса.

Другой яркий современный тренд – это нейронауки, которые затрагиваются в книге в связи с попыткой проследить объективные факторы принятия людьми решений по поводу горячих историй вагонеткологии. В духе времени Эдмондс допускает, что многие поведенческие решения, в том числе моральные, обусловлены бессознательными факторами, отражающими, в свою очередь, некоторые нейрофизиологические особенности функционирования человеческого мозга. В частности, моральные решения обусловлены способностью к эмпатии, а с нейрофизиологической точки зрения, эмпатия представляет собой функцию от активности определенных участков мозга. Эдмондс рассказывает о некоторых опытах использования нейронаучных методов в изучении процессов принятия решений в ситуациях с вагонеткой. Однако проведенное Эдмондсом обозрение оставляет впечатление, что собственно философское и этическое значение выводов, которые делаются на основе нейронаучных исследований, еще довольно неопределенно.

С большим интересом читаются страницы, рассказывающие о Филиппе Фут, ее отношениях с Айрис Мёрдок и Элизабет Энском. Биографические детали перемежаются с эпизодами интеллектуальной истории XX в. Этот сегмент книги представляется мне беспрецедентным в ряду подобного рода публикаций на русском языке.

Эдмондс пытается в свойственной ему легкой манере описать интеллектуальные биографии Джереми Бентама и Джона Стюарта Милля. Однако эти опыты показали мне не очень удачными, и не столько в силу избыточности

иронии, сколько из-за поверхностности обсуждения утилитаристских идей. Их изложение никак нельзя ограничить тем, что было предложено классическим утилитаризмом. А утилитаристская составляющая вагонеткологии весьма важна, хотя и носит негативный характер. Ведь первый мысленный эксперимент с вагонеткой был проведен Фут именно с целью продемонстрировать несостоятельность утилитаризма как метода принятия практических моральных решений и как философской модели, призванной объяснить мораль. Недостаточно внятно показана в книге философско-этическая оппозиция утилитаризма и «деонтологий». Если по вопросу об утилитаризме можно понять, что речь идет о философии морали, то в случае с «деонтологией» остается только догадываться, имеется ли в виду нормативно-этическая деонтология или концепция морали Канта. Так что зыскующему читателю предстоит самому разбираться в этих вопросах.

Но все это – именно дополнительные сюжеты книги. В главной своей теме – вагонеткологии – книга Эдмондса не только представляет замечательный образец популярной философской литературы, обеспечивающей на базовом уровне (а местами и более того) репрезентативность современных дискуссий и разработок в данной области, но и показывает полноценные возможности для внедрения этой тематики в философское образование.

Список литературы

Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Ин-та Егора Гайдара, 2015. 256 с.

Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами / Пер. Е. Канищевой. М.: НЛЮ, 2004. 352 с.

Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Бобби Фишер идет на войну / Пер. А. Давыдовой. М.: Рипол Классик, 2008. 300 с.

Foot P. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Oxford Review. 1967. No. 5. P. 1–7.

Kwame A.A. Experiments in Ethics. Camb. (Mass.): Harvard University Press, 2008. 274 p.

Tännsjö T. Taking Life: Three Theories on the Ethics of Killing. Oxf.: Oxford University Press, 2015. 303 p.

Thomson J.J. Killing, Letting Die, and The Trolley Problem // The Monist. 1976. Vol. 59. No. 2. P. 204–217.

Moral philosophy, thought experiment and an out-of-control trolley

David Edmonds, *Ubili by vy tolstjaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe horosho i chto takoe ploho?* [Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us about Right and Wrong], trans. by Dmitry Kralechkin. Moscow: Egor Gaydar Institute Publ., 2015. 256 pp.

Ruben Апресян

DSc in Philosophy, Head of the Department of Ethics. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: apressyan@mail.ru

David Edmonds' book, the recent Russian translation of which is under review here, belongs to a very popular branch in contemporary experimental philosophy, the so-called 'trolleyology' where thought experiments with a runaway trolley are used to analyze the

situations of forced choice and to study the alternative modes of decision-making. The author provides an account of the history of trolleyology and of the various theoretical approaches to the problems typical to it. Trolleyology is a valuable way to improve our understanding of the theoretical implications of thought experiments and, in broader terms, of the method of case studies as applied to moral philosophy. It certainly has highlighted such theoretical issues as intention, ends and means, motives and results, the sphere of moral principles, the limits of moral responsibility, all of which are important in normative ethics and in the different branches of applied ethics, like bioethics, ethics of punishment, just war theory, etc. The book is a brilliant specimen of popular philosophical literature; apart from giving a highly satisfactory representation of the current discussions in trolleyology, it shows the potential of applying the whole range of related issues to philosophical education.

Keywords: ‘trolleyology’, thought experiment, experimental philosophy, double effect doctrine, concomitant consequences, intention, Philippa Foot, Judith Thomson, neurosciences and morality

References

Edmonds, D. *Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe horosho i chto takoe ploho?* [Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us about Right and Wrong], trans. by D. Kralechkin. Moscow: Egor Gaydar Institute Publ., 2015. 256 pp. (In Russian)

Edmonds, D. & Eidinow, J. *Kocherga Vitgenshtejna. Istoriya desyatiminutnogo spora mezhdu dvumya velikimi filosofami* [Wittgenstein’s Poker: The Story of a Ten-Minute Argument Between Two Great Philosophers], trans. by Ye. Kanistcheva. Moscow: NLO Publ., 2004. 352 pp. (In Russian)

Edmonds, D. & Eidinow, J. *Bobbi Fisher idet na vojnu* [Bobby Fischer Goes to War], trans. by A. Davydova. Moscow: Ripol Classic Publ., 2008. 300 pp. (In Russian)

Foot, P. “The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect”, *Oxford Review*, 1967, No. 5, pp. 1–7.

Kwame, A.A. *Experiments in Ethics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2008. 274 pp.

Tännsjö, T. *Taking Life: Three Theories on the Ethics of Killing*. Oxford: Oxford University Press, 2015. 303 pp.

Thomson, J.J. “Killing, Letting Die, and The Trolley Problem”, *The Monist*, 1976, Vol. 59, No. 2, pp. 204–217.